
Что со мной было вчера, что со мной было?
Меня убыло, не убило, но стало мало.
Что со мной было после? Меня знобило,
А после меня сковало.
А после дни шли в молчании, и в итоге –
Последний на этой дороге, на той дороге,
Ведущей в бездну, еще идущий,
не приходящий.
Господи, всемогущий ненастоящий.
Господи, настоящий не всемогущий.
Что происходит в твоей вотчине на обочине?
Дети играют в ящички, в колокольчики
Бьют – тишиной звенящие бьют наотмашь.
Капли дождя по щекам текут и текут, и вот наш
Мир происходит, и мы происходим мимо –
Странники да кочевники – пилигримы,
Бегущие прочь отсюда да оттуда.
Где бы я ни был тогда – там теперь не буду,
Не буду, не буду там.
Только тянется к забытию с бытия рука
Так и хочется заорать разорвать рукав
Жилы вытянуть – вот живые возьмите
и жилы вам!
Говорили – язык жевали – живые – жили.
И там где ходить устали – там и остались.
И что с ними было никто не вспомнит, никто
не помнит.
Что со мной было, кому это надо земля остыла.
Что со мной будет, никто не скажет, меня
сковало
и этим освободило.

Хочу почувствовать счастья, которого
не найти.
Тысячи лет в одночасье шипят в крови.
Я подхожу к дверному проему, как
к водоёму, – в нем
Тонкие силуэты зовут меня – мы идем.
В вязкой тоскливой тине тускло горят глаза,
Кислые мины, сиплые, хриплые, гулкие
голоса
Кличут меня по имени, плачут, кусает гнус,
Вместо меня рождается тот, кого я боюсь.
Дальше надежды ходу нет, трещины по лицу.
Вьются или расходятся, и, как водится –
наглецу,
Дайте дорогу, в морду дайте голодному
по еде.
В этом болоте разницы нет – любить или бить
людей.
Нет никакого выхода, выбора, ввода войск,
Данных, путей отхода, планов переустройств,
Нет очевидных истин, нет очевидцев зла.
Влез в это и не вылезти, и не выплыть из –
нет весла.
В мутной воде утром, днём, вечером,
ночью, утром
Ходишь, идёшь, маешься, носишь заразу
и произвол.
Будет что будет или не будет, будто
Кого-то это волнует – болото не знает волн.
В поисках счастья, ветра, ясности плот трясет
Рыданиями, страданиями, стараниями.
Стареть
Остаётся каждому, чувствуя – вот и все.

...

Впрочем ещё посмотрим –
вдруг что попало в сеть.

То ли дождь замерз, то ли снег размяк,
то ли я устал, отгоняя мрак,
огибать углы и творить добро.
То, о чем монета, упав ребром,
говорит со мной или обо мне,
я не знаю, знаю, что только не
удалось, и если нет толку, то
для чего вскрывать то, что было ртом,
и, лелея тонкую нить надежд,
блеять межд.

Впрочем, реки текут и стоят холмы,
из нелепых каменных горемык
города становятся, свет и звон
и, бывает, грустные мысли вон
или прочь уходят, и, если того хочу
вдруг любая тяжесть мне по плечу.
Так становится ласково и легко –
я встаю с кровати одним рывком
и, любуясь солнцем в рассветный час,
вспоминаю нас,

перепуганных собственной красотой.
Мы пьяны и сыты по горло той
бесконечной музыкой, мир возник,
чтобы я, любуясь тобой, приник
к твоему чудесному волшебству
и отдал все то, что в себе несу
или существует, – нет слаще сна,
когда явь отзывчива и ясна,
и я с нами, с нами и ты сама...
Изумленно смотришь по сторонам.

Ведь бывает чаще иначе. Чем-то
сдавленный спишь или ждешь момента,
и кривой язык речи, в узел свернутый,
отвергает слова и висит, как вздернутый.

Своих ног мне кладет на плечи старая
вечность косая и злая, из бара я
выхожу и сгорбленный, изувеченный,
кровь не станет чище – не хватит печени,
или сердц моих бьющихся звон крещендо
– тяга быть с кем-то.

Хватит бить в набат – подведи итог,
нарисуй чёрту и найди предлог,
перейти за грань, обнаружить суть,
дело дрянь, покуда ты в рабстве судьб
или рубишь сук, на котором дом,
проклиная все, обо всем святом
позабыв, в ужасной попытке быть
не любить, а значит, хотеть любых
и, теряя гордость за годом год,
превращаться в сброд.

Все твоё добро – это ложь и стыд.
Это жалость – весь твой надменный вид
говорит одно – ты осточертел
самому себе и себя вертел –
карусель на пике безбожной башни.
Ты не поле – нет и не станешь пашней.
Урожаем мыслям не стать, пожаром
снова охвачен безумным, даром
никому, как явление впредь, не нужно
твоё умение выть натужно.

Поменяй места, отвлекись, очнись
от улыбок с фото и старых писем,
и открой глаза, наконец открой их –
прежних дней романтика пахнет вонью.
Перестань питаться небесной песней
И возьмись за плуг, по земле им тресни,
в этом сила, брат, – чернота земли
открывает таинства не любви,
но тебя, как воинства – жизнь искусство
заниматься делом, а не скулить.

